

**“Берегите следы Человека на песке времени!”
(В.И. Смирнов)**

Д.Е. Апушкинская, А.И. Назаров

12 декабря 2017 г.

В 2017 году исполнилось 130 лет со дня рождения замечательного математика и выдающегося просветителя Владимира Ивановича Смирнова. Его роль в сохранении и развитии Ленинградской-Петербургской математической школы невозможно переоценить.

Организатор НИИ математики и механики при Университете, основатель трех университетских кафедр, вдохновитель нескольких научных направлений, блестящий педагог, воспитавший большое число крупных ученых, создатель пятитомного *Курса высшей математики* – подлинной математической энциклопедии своего времени... А еще – крупнейший историк науки, человек, дважды сыгравший важнейшую роль в воссоздании Петроградского-Ленинградского математического общества. И все это – помимо собственных математических работ, содержащих ряд первоклассных результатов в различных разделах анализа. Трудно представить себе, что это было сделано одним человеком!

О жизни В.И. Смирнова, его научной, педагогической и организаторской деятельности написано немало. Упомянем прежде всего коллективную монографию¹, в которой дано

¹Владимир Иванович Смирнов, 1887-1974, изд. 2-е, доп., отв. ред. О.А. Ладыженская, В.М. Бабич, Наука, М., 2006.

подробное жизнеописание В.И. и проведен глубокий анализ его трудов. Мы же хотим предложить читателю взглянуть на Владимира Ивановича глазами его современников.

Мы признательны А.М. Вершику за идею построения этой статьи, Е.Н. Ритынь за предоставленный текст воспоминаний Е.К. Горбуновой, а также А.А. Палецких и Н.В. Растегаеву за помощь в расшифровке фонограммы воспоминаний М.С. Бирмана.

* * *

Александр Данилович Александров (1912-1999), математик, академик, создатель ленинградской школы “геометрии в целом”, ректор Ленинградского университета (1952-1964)²

<...> когда я думаю о нем, передо мной ясно встает его образ, как бы окруженный сиянием исходящего от него душевного света, подлинного добра, которое соединяет в себе отзывчивость с требовательностью, душевную мягкость с твердостью духа и ясностью разума. Этот свет добра ощущал каждый, кого Владимир Иванович встречал с характерной доброжелательностью веселого взгляда. Свет радости и живая заинтересованность в человеке, в научном результате, в философской мысли, радости работы, чтения лекций, в музыке...

Владимир Иванович был ученым-математиком, академиком. Но, кроме того, по своей сущности он был учителем, в том общем смысле, что учитель – тот, кто учит, будь он школьный педагог, профессор или проповедник.

<...> Учитель обращен к людям. Его цель – духовное обогащение, развитие человека. Ученый сообщает научный результат, учитель еще стремится сделать его возможно более понятным. Разумеется, ученый и учитель в той или иной пропорции сочетаются в одном человеке и едва ли возможен хороший учитель, который не бывает хоть иногда ученым. Владимир Иванович был выдающимся ученым и великим учителем.

<...> В огромной работе над курсом ярко проявились свойственные Владимиру Ивановичу черты подлинного учителя. <...> он не останавливался на достигнутом, а насколько мог улучшал свою работу. Добросовестность Владимира Ивановича тем более заслуживает быть подчеркнутой, что в 70-е и 80-е гг. в учебную литературу проникла торопливость, неряшливость, которую допускают даже крупные ученые. В связи с этим “Курс высшей математики” выступает не только как выдающийся научно-педагогический труд, но и как высокий моральный пример. В конечном счете глубочайшая суть понятия “учитель” нравственная.

<...> Владимир Иванович был превосходным лектором, одним из лучших, если не самым лучшим среди наших лекторов-математиков этого века. Он не украшал лекции словесными узорами, но его лекции неизменно увлекали аудиторию. Он читал с удовольствием, с любовью к предмету, с уважением к слушателям, радуясь тому, что рассказывал.

<...> Всю жизнь Владимир Иванович оставался верующим, и когда я как-то спросил его о вере, он спокойно и искренне ответил: “Я, знаете, верю попросту...”. И можно думать, что в его характере, в его деятельности, во всем его облике проявлялась позиция глубокого христианина, вся жизнь которого оказывается преданным служением людям, нужному им делу, с доброжелательностью и высокой требовательностью, без “всепрощения” (особенно

²А.Д. Александров, *Проблемы науки и позиция ученого: статьи и выступления*, Наука, М., 1988, с. 496-506.

он осуждал приспособленцев), с радостью жить без уныния и аскетизма, с мужеством, когда оно необходимо в противостоянии злу, несчастью или страданию.

<...> Владимира Ивановича не стало, и нет замены общению с ним, погружению в создаваемую им атмосферу. Но счастливы те, кто мог когда-то к ней приобщиться. Образ его светит нам. Он был из числа тех людей, которых в Индии называют словом “Махатма”.

* * *

Василий Михайлович Бабич, математик, зав. лабораторией ПОМИ РАН, глава ленинградской школы теории дифракции и распространения волн³

<...> Он заведовал кафедрами, НИИ математики и механики, однако слово “администратор” совсем не применимо к нему. Руководил он как-то незаметно. Заседания кафедры, длившиеся более получаса, были делом необычным. <...> Приведу два примера. Об одном рассказывал академик Л.В. Канторович. Шло заседание Ученого совета НИИ математики и механики. Рассматривался годовой отчет, план работы, вопрос о созыве конференции по функциональному анализу. Заседание началось в 19 ч и закончилось в 19 ч 45 мин. И все было сделано. Второй пример. Идет заседание. В.И. Смирнов как председатель предлагает какое-то мероприятие. “Кто хочет что-нибудь сказать?” Один из присутствующих говорит: “Вот, я хочу сказать”. – “Скажите, Вы хотите поддержать или возразить?” – “Я хочу поддержать”. – “Тогда в Вашем выступлении нет необходимости”....

* * *

Михаил Соломонович Бирман (1928-2009), математик, профессор СПбГУ, глава ленинградской школы спектральной теории операторов⁴

<...> Владимир Иванович был человеком очень спокойным, уравновешенным, доброжелательным, и оказывал очень большое влияние на всех, кто с ним имел какие-то контакты, не прилагая к этому никаких специальных усилий. Это был в прежнем смысле слова чрезвычайно воспитанный человек. Но ни одно из этих положительных качеств не выпирало и не давило на окружающих <...>

[В.И.] был не чужд некой народнической идее служения. Он очень многим помогал, очень многим облегчал их жизненный путь, но было впечатление, что это делается не ради отдельного человека, того или другого, а именно благодаря некой идее служения, что нужно помогать и делу, и конкретным людям. И в этом смысле Владимир Иванович был очень, я бы сказал, широк, то есть он мог помогать людям вне зависимости от того, заслуживают ли они этого с обычной точки зрения или не очень заслуживают <...>

Однажды я сказал <...> во время какого-то перерыва в наших деловых обсуждениях, что когда произошла февральская революция, то, как я себе представляю, было всеобщее ликование, чувство освобождения, и все ждали, что наступит общее счастье; а вот что из этого вышло в итоге. На что Владимир Иванович мне сказал довольно серьезно: “Я с самого начала ничего хорошего от этого не ожидал”.

<...> копировать Владимира Ивановича никому из нас было уже невозможно, мы были сформированы другим временем <...> иногда, когда возникали сложности, связанные со служебной деятельностью или с личными обстоятельствами, то приходило в голову: “Ну,

³Цит. по: *Владимир Иванович Смирнов, 1887-1974, ...*, с. 150-158.

⁴Видеозапись, октябрь 2007 г.

а как бы Владимир Иванович поступил в этом случае?” И чаще всего ответ был такой: Владимир Иванович в эту ситуацию просто не попал бы. Ни про кого другого, очень уважаемого мною, из старших моих коллег я сказать бы этого не мог.

<...> [А.А.] Фридман сочувствовал революционному движению и в какой-то мере участвовал в нём, но однажды почувствовал какую-то опасность, и попросил <...> своего товарища забрать листовки революционного содержания, которые у него хранились <...>, и отнести куда-то. Владимир Иванович выполнил эту его просьбу. Я спросил: “Что ж вы, Владимир Иванович, сочувствовали тоже революционному движению?” Он ответил: “Отнюдь нет, но товарищ попросил меня сделать это, и я сделал”.

<...> Специально нужно сказать о пятитомном “Курсе высшей математики”, который принадлежит Владимиру Ивановичу. Без всякой натяжки, без всякого пафоса можно сказать, что создание такого курса – это подвиг. <...> Если говорить об аналогичных попытках других авторов, то может прийти на ум, скажем, курс Рида и Саймона. Но здесь есть принципиальное отличие. Дело в том, что Рид и Саймон объявили программу, которую они выполнили хорошо если наполовину, а Владимир Иванович свою программу выполнил целиком.

<...> Владимир Иванович прочел все курсы, какие, как он считал, нужны на физическом факультете, как общие, так и специальные. Но когда он передавал курс кому-то из более молодых людей (вот одним из них был я), то он не вмешивался уже в изложение, и для него главным принципом был правильный подбор людей, а потом он им доверял.

<...> Владимир Иванович был человеком в определенном смысле загадочным, потому что обычные человеческие слабости были ему чужды как бы изначально. Ну, например, его никогда не волновали вопросы научного приоритета. <...> Было видно, что для него эти вещи несущественны, и для него отношение к науке вовсе не сводится к его личной роли в науке. Так же как его отношение к отдельным людям формировалось не на основании его личного отношения к конкретно этим людям, а освещалось каким-то другим, верхним светом и просто отвечало его каким-то общим убеждениям о том, как нужно относиться к людям, что такое человек и что такое Бог.

<...> При том, что он [В.И.] очень любил науку, и далеко не так мало сделал в ней, он как личность, как человек, был больше того, каким он был ученым. И тут надо сказать, что нужно делать упор на “больше”, а не на “меньше”. Не то, что он был меньшим ученым, чем был человеком, он был бóльшим человеком, чем он был ученым.

<...> можно сказать, что Владимир Иванович был для математического факультета самым главным человеком. В этом не будет никакого преувеличения, и никакого преуменьшения роли других замечательных и знаменитых ученых, которыми тогда славился математический факультет.

<...> И вот что нельзя не считать отчасти парадоксальным и удивительным – он [В.И.] сумел принять такой тон по отношению к властям разного уровня и разного качества, что они не рассматривали его как противостоящую им силу, а относились к нему совершенно определенно с уважением, считались с его точкой зрения и часто шли на уступки. Поэтому я думаю, что общая жизненная позиция Владимира Ивановича была не только очень достойной и очень привлекательной, но в каком-то смысле даже и прагматически удачной.

* * *

Алексей Николаевич Боголюбов (1911-2004), математик, член-корр. АН УССР⁵

<...> Владимир Иванович жил тогда в Комарове, под Ленинградом. В этом дачном поселке меня поразили высокие зеленые заборы, за которыми скрывались дворцы высокопоставленных ленинградских деятелей. Чувствовалось, что этими заборами живут люди, изолировавшие себя общества и боявшиеся, что кто-то со стороны увидит, и, возможно, осудит их личную жизнь. Совершенно иной оказалась улица, на которой жил В.И. Смирнов. Здесь все было нараспашку. Жившим здесь ученым и их семьям не надо было ничего прятать и не от кого было таиться...

<...> Владимир Иванович обладал глубочайшими знаниями в области общей истории и истории науки. Его статьи на темы, связанные с историей науки, настолько точны во всех деталях и фактах, что в большинстве случаев могут быть использованы как достоверные источники для необходимых справок...

* * *

Елена Георгиевна Боннэр (1923-2011), правозащитница; жена академика А.Д. Сахарова⁶

<...> Лето 1972 года было посвящено сбору подписей под обращением об амнистии и об отмене смертной казни. <...> из всех коллег Андрея [Сахарова], к которым мы тогда обращались, по-хорошему запомнился принадлежащий к старшему поколению ученых академик-математик Владимир Иванович Смирнов. И не тем, что его дом был единственным, где нас накормили, и не долгой спокойной беседой, а тем, как по-доброму и с каким глубинным вниманием он смотрел на Андрея и слушал его. Не знаю, много ли общался с ним Андрей в прошлом, но мне показалось во время этой единственной с ним встречи, что он давно и хорошо знает Андрея и понимает внутреннюю мотивацию его поступков...

* * *

Анатолий Моисеевич Вершик, математик, зав. лабораторией теории представлений и динамических систем ПОМИ РАН⁷

Каждая встреча с В.И., даже чисто деловая, вспоминается как встреча с каким-то чудесным уходящим миром, представителем которого он был. Его характер общения, выбор слов в разговоре, манера держаться – все дышало спокойствием, юмором, чистотой; словом, чем-то иным по сравнению с тем, к чему мы привыкли. Я расскажу только о двух таких встречах.

Однажды меня, аспиранта, вызвали на факультет для отчета. Я был уверен, что речь идет об обычной формальности, и, подойдя к указанной небольшой аудитории на мат-мехе, около которой никого не было, заглянул туда и увидел В.И., в одиночестве сидящего за столом. Я извинился (до этого я лишь несколько раз общался с ним) и сказал, что я, наверно, не туда попал. “Нет-нет, – ответил он, – Вы как раз ко мне”. “Как можно, – подумал я, – чтобы академик В.И. Смирнов стал заниматься такой чепухой”. Но он, оказывается, согласился быть председателем проверочной комиссии; он пригласил меня сесть и стал расспрашивать о диссертации. Хотя тематика была далекой от В.И. (моим фактическим

⁵Цит. по: *Владимир Иванович Смирнов, 1887-1974, ...*, с. 158-161.

⁶Е. Боннэр, “До дневников”, *Знамя*, 2005, No. 11.

⁷Личное сообщение, декабрь 2017 г.

руководителем был В.А. Рохлин), он задал несколько точных вопросов; в частности, спросил, что я сдавал в качестве кандидатского минимума. Я совсем смутился: эти экзамены у нас если и проводились, то совершенно формально. Тут В.И. неожиданно стал спокойно и обстоятельно рассказывать, как выглядело это в его времена в аналогичных случаях, что и как он сдавал. Конечно, я не запомнил списка книг и статей, по которым он должен был отчитаться, но это было действительно интересно, а кроме того, это выглядело как хорошо преподаанный мягкий урок.

Через несколько лет я приехал к нему на дачу в Комарово с просьбой представить в ДАН нашу с Л.Д. Фаддеевым заметку о неголономной механике. Дело было еще в том, что за некоторое время до этого меня попросил кто-то из помощников В.И. написать на эту тему несколько страниц в новое издание его пятитомника, в главу о вариационном исчислении. В.И. начал с просьбы объяснить, что я написал, а потом расспросил о содержании заметки. Он воспринимал это как совсем новый для себя материал. Закончив с вопросами и подписав статью, он опять как-то неожиданно для меня стал говорить о соотношении “старого” и “нового” в математике и вспоминать о том, как они (видимо, с А.А. Фридманом или другими друзьями-сокурсниками) в свои молодые годы старались “поспеть” за новым. Тут я отчаянно стал кивать головой, говоря, что так бывает, наверно во всех поколениях математиков. <...> В.И. продолжал с улыбкой: “Мы тогда очень интересовались новой французской математикой, особенно последними работами Пуанкаре, и считали некоторых из наших учителей – очень сильных математиков – безнадежно устаревшими, как, наверно, Вы считаете нас”. (Вот уж чего со мной и моими друзьями никогда не было, и В.И., конечно, это прекрасно знал).

В заключение хочу сказать, зная биографию В.И., его многочисленные комментарии к математическим работам, книгам, что стремление не упустить нового отличало этого замечательного ученого и человека в течение всей его жизни.

* * *

Екатерина Константиновна Горбунова (1909-2006), начальник лаборатории ВНИИРПА; дочь первой жены В.И. Смирнова⁸

<...> зимой 1924 г., он [Я.Д. Тамаркин] с помощью “переправщиков” переправился через границу. Там было всё подготовлено заранее, и он скоро прибыл в Америку.

Владимир Иванович не знал об этих планах переправки через границу и был очень поражен, тем более, что жена [Тамаркина], пятилетний сын и тёща остались здесь. Тёща старалась получить визу в Финляндию, где у неё были дальние родственники, чтобы уехать туда с внуком. Жена Якова Давыдовича пыталась переправиться через границу с помощью тех же переправщиков, но их на границе поймали и её посадили в тюрьму в камеру с воровками и убийцами. Сколько труда стоило Влад. Иван., чтобы её освободили. Влад. Иван. измучился ходя по всяким инстанциям. Наконец, её освободили. Она была в ужасном состоянии <...> А Яков Давыдович писал, забыв за год о нашей жизни, чтобы скорее приезжала семья. Что его ни в один приличный дом не приглашают и смотрят уже косо. А Влад. Ив. ходит и ходит по всяким учреждениям. Ну, наконец, слава Богу, ему удалось выхлопотать разрешение на выезд жены Якова Давыдовича. Вот так, что только не делал Влад. Иван. доброго для людей. А в 1937г. о ком только не хлопотал!!

⁸Из личного архива Е.Н. Ритынь.

<...> В 1947 г. правительство подарило Владимиру Ивановичу и всем академикам дачи в Комарово. Владимир Иванович в шутку говорил, что дачи распределялись, среди академиков, по рангу: в середине посёлка получили академики 1-ого ранга, а по краям – 2-ого ранга. Дача Владимира Ивановича была первая при въезде в посёлок...

* * *

Даниил Александрович Гранин (1919-2017), писатель⁹

<...> Однажды я попросил академика Смирнова принять меня. Договорились, что я приеду к нему на дачу к двенадцати часам. Счастье мое, что я случайно подошел к его даче вовремя. Владимир Иванович уже стоял на шоссе, ожидая меня. Вышел навстречу. Опять скажете - умиление нормальными вещами? Но я думал тогда - почему никому из людей моего поколения и младше меня не придет в голову выйти к назначенному времени навстречу гостю? Мы будем гостеприимны и радушны, но нам и не догадаться, что можно еще и так выразить свое внимание к человеку. Сколько раз мы упускаем подобные возможности.

* * *

Виктор Абрамович Залгаллер, математик, профессор ЛГУ; с 1999 г. живет в Израиле¹⁰

<...> Мы слушали у него [В.И.] общий курс комплексной переменной. Владимир Иванович начинал с эталонных примеров, с изложения классических теорем, а потом менял тембр голоса и за последние десять минут каждой лекции излагал материала примерно в три раза больше того, что было до этого, причем прослеживались всевозможные обобщения, как чисто математические, так и с сохранением физического смысла. Все это делалось с каким-то добрым подходом. Каждый из нас мог выбрать, до каких пор он в силах понимать, – без малейшего унижения самолюбия слушателя. Это был поразительный способ чтения. Тогда мне казалось, что я понял приемы Владимира Ивановича. Но когда я вернулся в университет после войны, после четырех лет отсутствия и встретил В.И. Смирнова, а он обратился ко мне по имени и отчеству и стал называть подряд всех моих сокурсников, которых даже память моя не сохранила, то я понял, что в его преподавании был один секрет: хотя нас было много, он воспринимал каждого как личность. Это было совершенно поразительно при массовом обучении...

<...> В.И. Смирнов был мудрым человеком и обладал абсолютным слухом, причем не только в музыке. Он обладал тем абсолютным слухом к справедливости, который зовут кристально чистой совестью. Вместе с добротой и твердой ровностью поведения все эти качества были для Владимира Ивановича естественны как дыхание. Он был святыней для математической общественности Ленинграда. Он являлся тем камертоном, по которому проверялась коллективная совесть ленинградских математиков...

* * *

Владимир Николаевич Кошляков (1922-2009), механик, академик НАН Украины; сын математика Н.С. Кошлякова¹¹

⁹Д. Гранин, *Месяц вверх ногами*, соб. соч., Л., “Художественная литература”, 1979, т.2, с. 369-469.

¹⁰Цит. по: *Владимир Иванович Смирнов, 1887-1974, ...*, с. 168-169.

¹¹Там же, с. 177-181.

<...> Бывал он [В.И.] у нас на семейных праздниках и вечерах, во время которых часто играли в винт. <...> По свидетельству знатоков, Владимир Иванович играл в винт вдохновенно и мастерски. Неизменно оживленный и остроумный, Владимир Иванович всегда был, как говорится, душой общества. Во время этих встреч он иногда музицировал.

Отлично играя на фортепиано, Владимир Иванович очень любил, глубоко знал и понимал классическую музыку. Он преклонялся перед Моцартом. Музыку к “Дон Жуану” называл “таинственно гениальной”...

<...> Отечественная война, принеся бесчисленные бедствия советскому народу, обрушилась на нашу семью дополнительным горем, разлучив нас с отцом почти на 10 лет. Не могу не вспомнить ту благородную помощь и поддержку, которые оказывали нам в то нелегкое время Владимир Иванович и его супруга Елена Прокопиевна!...

<...> За свою долгую жизнь этот необыкновенный человек совершил множество добрых, мудрых и полезных дел. Они столь же неотделимы от него, как был неотделим от них он сам.

* * *

Ольга Александровна Ладыженская (1922-2004), математик, академик АН СССР, глава ленинградской школы уравнений в частных производных¹²

<...> судьба подарила мне общение с Владимиром Ивановичем в течение примерно 27 лет. Для меня жизнь была бы совершенно другой, если бы я не встретила В.И. Смирнова. Дело в том, что я рано лишилась отца – он был арестован в 1937 г. Тогда мне было 15 лет. Для меня отец был другом. Владимир Иванович заменил мне отца. И это могло произойти только потому, что существовало какое-то удивительное внутреннее сходство между моим отцом и В.И. Смирновым. Сначала оно настолько поразило меня, что все во Владимире Ивановиче, казалось, было знакомо с рождения. Но это только на первом этапе. Чем дольше я его знала, тем больше понимала, что все время у него учусь. Действительно, В.И. Смирнов был учителем большинства людей, которые соприкоснулись с ним хотя бы один раз. Я видела его в общении с известными писателями, музыкантами, литературоведами, с людьми очень острыми, несентиментальными. И все они после встречи с Владимиром Ивановичем испытывали ощущение просветленности и приподнятости....

* * *

Борис Михайлович Макаров, математик, профессор СПбГУ¹³

<...> в связи с переездом Академии Наук, когда в 1930-е годы было принято решение перевести АН в Москву, <...> Университет лишился очень многих учёных, которые уезжали в Москву, и кто-то из университетского начальства, – проректор, может быть, – специально пригласил В.И. на беседу, обхаживал его: “Вы, пожалуйста, в Москву не переезжайте, мы дадим Вам квартиру, мы знаем, что у Вас стеснённые такие обстоятельства” – вот тогда ему дали квартиру на Петроградской стороне. И В.И. говорил <...>: “А не знал этот человек, что я бы никогда не уехал из Ленинграда”...

* * *

¹²Там же, с. 181-187.

¹³Видеозапись, май 2008 г.

Галина Павловна Матвиевская, историк математики, востоковед, академик АН Узбекистана¹⁴

<...> Собственным примером В.И. Смирнов учил технике научной работы. Он требовал серьезно относиться к результатам своего труда и оформлять их со всей аккуратностью. Обладая тонким чувством литературного стиля, он был великолепным редактором и с помощью одной-двух правок умел придать точный смысл, казалось бы, совершенно безнадежным фразам.

<...> Не сомневаюсь, что многие из нас не раз избежали дурного проступка, невольно взглянув на себя в определенный момент глазами Владимира Ивановича. Общаясь с ним, было просто невыносимо проявить недобросовестность в работе. У меня навсегда сохранилось чувство стыда за незнание какого-то вопроса на экзамене, хотя Владимир Иванович отнюдь не упрекал, а просто огорчился....

* * *

Георгий Иванович Петрашень (1914-2004), математик, директор ЛОМИ (1957-1976)^{15,16}

<...> он [В.И.] всегда поражал собеседника способностью почти мгновенного проникновения в самую суть чужого для него исследования... Очень скоро он начинал ориентироваться в обсуждаемых вопросах не хуже (а иногда даже лучше) самого автора, что делало его замечания и критику чрезвычайно ценными. В некоторых же случаях его советы приводили к полной переработке обсуждаемой статьи, соавтором которой (всегда негласным) фактически становился В. И. Смирнов. И во всей этой деятельности проявилась одна из характеристических его черт как человека и ученого, а именно: желание оставаться в тени даже тогда, когда его вмешательство в исследование имело решающее значение для выяснений сути рассматриваемой проблемы. Больше всего его радовал факт получения нового красивого или практически полезного результата. Вопрос же об авторстве он всегда решал в пользу лица, обратившегося к нему за помощью.

<...> Без какого-либо преувеличения можно утверждать, что все преподавание математики на физическом факультете ЛГУ было пронизано разумом и волей одного человека – В.И. Смирнова.

* * *

Сергей Львович Соболев (1908-1989), математик, академик АН СССР, создатель ряда новых научных направлений, один из организаторов Сибирского отделения АН СССР¹⁷

<...> Он любил свою науку пламенно и проявлял нежную отеческую заботу обо всех, в ком он видел будущего ученого. Эрудиция у него была удивительная. В личном общении я не встречал более обаятельного и доброжелательного человека, чем В.И. Смирнов.

* * *

¹⁴Цит. по: *Владимир Иванович Смирнов, 1887-1974, ...*, с. 187-190.

¹⁵Г.И. Петрашень, *В. И. Смирнов – основатель ленинградской школы по распространению и дифракции волн*, Вестн. ЛГУ, 1975, сер. мат., мех. астрон., вып. 1, с. 16-21.

¹⁶Цит. по: *Владимир Иванович Смирнов, 1887-1974, ...*, с. 192-194.

¹⁷Там же, с. 201-205.

Никита Алексеевич Толстой (1917-1994), физик, профессор ЛГУ; сын писателя А.Н. Толстого¹⁸

<...> В своем благородстве Владимир Иванович не страшился ступить на край обрыва. Я прекрасно помню историю о том, как в некие страшные времена ему предложили подкрепить своими показаниями predetermined злое дело, направленное против известного ученого. Когда В.И. Смирнов твердо и определенно сказал все, что он на самом деле знал и думал об этом человеке, после жутковатого молчания он услышал: “А Вы очень смелый человек!”

Если бы я был специалистом по геральдике и мне поручили бы создать герб В.И. Смирнова, то, кроме двух скрещенных интегралов на лазоревом фоне, я непременно поместил бы этот девиз: “А Вы очень смелый человек, Владимир Иванович” и знак факториала после этого.

* * *

Дмитрий Константинович Фаддеев (1907-1989), математик, член-корр. АН СССР, один из создателей гомологической алгебры¹⁹

<...> Регулярно раз в две недели Владимир Иванович устраивал у себя на квартире изумительные музыкальные вечера, на которых проигрывались переложения камерной и симфонической музыки, причем в очень широком диапазоне – и классика, и более поздние произведения. Мы с Владимиром Ивановичем играли в четыре руки Бетховена. Трудно представить себе что-либо более приятное, чем эти вечера. Играли мы обычно с большим увлечением, понимали друг друга “с полуслова” и всегда чувствовали одновременно, когда надо придержать, ускорить, усилить. И хотя мы не профессиональные музыканты, но у нас получалось неплохо. Слушатели, как мне казалось, получали удовольствие не меньшее, чем исполнители.

* * *

Виктор Петрович Хавин (1933-2015), математик, профессор СПбГУ, глава ленинградской школы математического анализа²⁰

<...> Скажу два слова о масштабе личности В.И. Мне представляется, что это был человек Эпохи Возрождения по разносторонности и глубине его знаний, прежде всего профессиональных. <...> Потрясающая широта профессиональная. Но, кроме того, он профессионально знал очень многое в музыке, знал и умел. Он знал языки, в том числе древние. Вообще, был чрезвычайно глубок во всем. Человек он был глубоко религиозный. <...> Этой своей веры он неукоснительно придерживался, в том числе тогда, когда это, мягко говоря, не поощрялось. И это у всех, кто его знал, вызывало, конечно, глубокое уважение. В этом не было ничего поверхностного и показного, ни в коем случае.

* * *

Леонид Александрович Халфин (1932-1998), физик, профессор, сотрудник ПОМИ РАН²¹

¹⁸Там же, с. 205-206.

¹⁹Там же, с. 207-208.

²⁰Видеозапись, май 2008 г.

²¹Цит. по: *Владимир Иванович Смирнов, 1887-1974, ...*, с. 208-211.

<...> Мне очень повезло – я слушал <...> теорию функций комплексной переменной, которая читалась всему курсу в большой физической аудитории. Должен сказать, что тогда я не мог себе представить, что Владимир Иванович читал этот курс еще с 1925 г. Он читал его с таким воодушевлением, так ярко, как будто впервые. Впечатление было необыкновенное. Единственно, с чем его можно сравнить, так это с впечатлением от сольного концерта выдающегося пианиста. Помню, перед началом лекции Владимир Иванович так же разминал руки, как это делают пианисты. Передать эти впечатления невозможно, как нельзя передать впечатления от хорошей музыки.

* * *

Евгений Львович Шварц (1896-1958), писатель, драматург и сценарист²²

<...> Владимир Иванович Смирнов – один из самых привлекательных людей. Он обладает врожденной душевной лояльностью, не лезет в свалку, как некоторые академики озверевшие <...> Но он никак не хитер и даже не уклончив, как обычно люди подобного душевного склада. Он вечно хлопочет за кого-нибудь и не выходит из университетских боев и сражений. <...> Но дерется Владимир Иванович на свой лад, справедливо, без визга.

<...> музыку, которую Владимир Иванович любит, знает он до тонкостей. Научился играть на рояле самоучкой. Но когда играл в четыре руки с Рабиновичем Николаем Семеновичем, человеком в своей области непреклонно строгим, тот удивился, как понимает Владимир Иванович Малера.

<...> Почти каждую субботу в течение сумеречного периода моей комаровской жизни с осени 49 по 54 год – наступал праздничный вечер. С дачи Смирнова извещали: сегодня в семь часов музыка. <...> на стул он [В.И.] подкладывал, по невысокому своему росту, толстую нотную тетрадь, кажется, бетховенские сонаты. Долговязому Фаддееву и так было удобно. С первых же тактов играющие уходили в музыку, как в воду, как в среду, сильно изменяющую их свойства. Нисколько не казалось смешным, что Владимир Иванович то подпрыгивает, то вбирает голову в плечи, то откидывает вверх назад торжественно. А Дмитрий Константинович все покачивался и покачивался.

<...> Он [В.И.] начисто лишен свойственной многим ученым чисто бабьей уверенности, что он и во всех областях понимает.

* * *

Адольф Павлович Юшкевич (1906-1993), историк математики, зав. сектором ИИЕТ РАН²³

<...> В работе с ним [В.И.] меня прежде всего поражали его совершенно необыкновенная эрудиция и безукоризненная память. Я и раньше слышал от него, что, например, большие разделы своего пятитомного “Курса” он, разумеется, после предварительного обдумывания, прямо диктовал машинистке, указывая всякий раз, сколько места следует оставить для вписывания формул. Теперь я увидел, что память его хранила и огромную информацию историко-математического характера. <...>

Другая особенность касалась манеры изложения. Владимир Иванович обладал редким даром коротко и доступно объяснять весьма трудные математические идеи, раскрывая их

²²Е.Л. Шварц, *Телефонная книжка*, Искусство, М., 1997.

²³Цит. по: *Владимир Иванович Смирнов, 1887-1974, ...*, с. 211-215.

существо и отбрасывая второстепенные детали. <...> Мы работали таким образом дважды в день по несколько часов, и должен признаться – я уставал быстрее, хотя и был моложе почти на двадцать лет.

* * *

Франтишек Яноух (František Janouch), чешский и шведский физик, публицист, член Президиума АН Чешской Республики; выпускник физ-фака ЛГУ²⁴

<...> Профессор Смирнов был лучшим университетским лектором, которого я когда-либо встречал. Его лекции отличались не только математической строгостью и элегантностью. Смирнов читал свои лекции живо, умел увлечь слушателей. Он был актером, в подаче которого математика переставала быть сухим собранием аксиом, теорем, доказательств и вычислений. На лекциях профессора Смирнова математические функции оживали, они имели свои судьбы, переживали свои несчастья и случайности, которые позволяли вычислить интеграл или решить дифференциальное уравнение. В своих лекциях Смирнов всегда заново переживал всю историю математики, ее затруднения, успехи. Свой энтузиазм или разочарование и, главное, свою любовь к науке он умел передать слушателям.

²⁴Там же, с. 218-222.